

Верёвка

книга первая

16+

Мерси Шелли

Мерси Шелли

Верёвка

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Шелли М.

Верёвка / М. Шелли — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Работая над диссертацией по сетевой антропологии, Егор находит удачное применение для своей науки: рекламное агентство, которое специализируется на создании социальных приложений и интернет-сообществ. Однако знакомство с древней верёвочной игрой, известной как "кошачья колыбель", пробуждает в молодом человеке новые странные способности и интересы. А когда тайны исчезнувших цивилизаций начинают влиять на личную жизнь, становится понятно, что фигуры из верёвки - не просто детская забава...

Содержание

1. Осьминог	6
2. Двери	10
3. Чашка Петри	14
4. Рыбка Поньо	18
5. Птичий рынок	22
Конец ознакомительного фрагмента.	28

*«Верёвка, как и палка – один из древнейших инструментов.
Это наши первые друзья: палку люди изобрели, чтобы
отталкивать плохое, а верёвку – чтобы притягивать хорошее.
Оба эти инструмента можно найти везде, где жил человек.
Даже сейчас они обитают в наших домах и вторгаются
в нашу жизнь, как полноправные члены семьи.»*
(Кобо Абэ)

1. Осьминог

День не спешил начинаться. За окном в сумерках медленно падал крупный снег, словно утренний свет разорвали на клочки и только в таком виде допустили на землю. Егор прикрыл глаза, и снежная занавеска превратилась в планктон, тысячи мелких светящихся созданий в тёмной толще воды перед стеклом маски.

Наверное, потому он и выбрал для завтрака эту прозрачную кафешку в «Музеоне». Если смотреть вот так, сквозь щели опущенных век, набережная похожа на утренний пляж, по которому бродят на отливе собиратели ракушек или ловцы крабов. Убрать бы ещё все здания с той стороны реки...

– Не выпался?

– Да как-то так. А ты вроде бодрячком?

Ольга уже доела свой салат. Кажется, её реакция на возвращение совершенно противоположна – не терпится выйти на работу. В отпуске ей явно не хватало городских радостей. Что поделаешь, «коренная москвичка».

Полететь в Гонолулу они решили после просмотра какой-то дурацкой комедии. Болтали в постели о том, откуда этот классический штамп у америкосов – если ханимун, обязательно Гавайи. Перешли к шуткам про свой воображаемый ханимун, и когда его вообще отмечать, если свадьбы как таковой устраивать неохота, но совместная жизнь вроде как уже идёт, и почему бы не... Так, слово за слово, и оказались в отпуске на Гавайях.

Но движухи вышло меньше, чем в кино. К тому же Егор старался выбирать более дикие и безлюдные пляжи, где можно понырять в чистой воде – а Ольгу, наоборот, тянуло на рынки, вечеринки, или хотя бы туда, где можно сделать красивые фотки. Странный получился ханимун, в общем.

– Слушай, я побегу. Тебе ведь не терпится своим романом заняться?

– Да не то чтобы... – Он постучал пальцами по закрытому ноутбуку. – Но посижу ещё, да. Может и набросаю пару километов.

Она встала, сняла с вешалки чёрное пальто и красный шарф. Улыбнулась, почти натурально. Хотела уже отойти, но снова повернулась к столу.

– Ты, кстати, сегодня кофе пьёшь левой рукой. А мне казалось, что поговорка «встал не с той ноги» касается только нижних конечностей. Или может, ты левша переученный?

Он посмотрел на руку, в которой держал чашку.

– Да тут на столе места нет, вот и поставил с этой стороны... Ты меня просто троллишь на прощанье?

– Ага. – Теперь она улыбнулась по-настоящему, и потянувшись через стол, поцеловала его в висок. – Выныривай, офисный планктон.

Он помахал ей рукой и открыл ноут. А когда она вышла, закрыл обратно.

Хотя вид на набережную приятный, и народу нет. Сиди да пиши. Но что-то не то. Может, музыка. Раньше ему нравилась Лана Дель Рей, и её соннамбулический голос вполне подходит к этим сумеркам, но... Громковато. Вырубить бы Лану совсем, а на крышу поставить микрофоны, чтоб стало слышно, как снежинки падают.

Да и какой там «роман»? Фальшивая словесная бирка, такой же домашний прикол, как «ханимун». Любимая ольгина игра-комедия, короткие скетчи про чужую пафосную жизнь: «не буду сегодня надевать бриллианты», «заперся в своём фамильном замке»... Идея романа зародилась на вечеринке её друзей-киношников. Они отмечали выход очередного шедевра, а Егору фильм не понравился, и хотя он обещал Ольге не выпендриваться и не рассказывать про гусей, но выпил лишнего – и подколот режиссера. Мол, гонки на гелендвагенах – это конечно

красиво, но «so last century», простите мой китайский! Сейчас деньги улетают на другой конец света после нажатия кнопки на мобиле, школьники смотрят с квадрокоптера в спальню президента, роботы крадут сердца домохозяек, и ещё куча дивных новых преступлений вокруг. А у вас, извините, стремительный домкрат.

Режиссер мягко, как айкидошник, развернул наезд Егора против него самого. Всё так, снимаем баяны, хороших сценариев нет. Вот ты и напиши. Слабо? Егор отшутился: конечно, слабо, пока один абзац проходного бизнес-плана в агентстве приносит мне больше, чем целый роман, над которым знакомый писатель целый год корпел.

Но идея зацепила, и постепенно он стал набрасывать какие-то кусочки о работе воображаемого «цифрового участкового», простоватого опера старой закалки, которого назначили на эту мутную должность, чтобы побыстрее спихнуть на пенсию. Однако старый мент случайно находит поддержку в лице молодого хакера и бойкой девицы-рекламщицы. И эта великолепная тройка начинает раскрывать одно дело за другим.

А дела с каждым разом всё шизовее. Ловкая подмена GPS-сигнала расстраивает свадьбу известного автогонщика. Пиратские трансляции популярных рок-конcertов организует главный борец за копирайт. Новый телеком-оператор устраивает чёрный пиар другому телекому с помощью заражённых сим-карт. Подаренный мобильник убивает хозяйку наркотиком, который испаряется при нагревании батареи. Выстрелы лучшего игрока в модной компьютерной игре странным образом связаны с поведением трейдинговых ботов на бирже. Деструктивная секта использует популярный сервис онлайн-олимпиад для выслеживания детей с особыми способностями. Самая загадочная кибератака на крупный банк оказывается бродячей собакой, которая свалилась в люк и перегрызла кабель. Современно, небанально, с юмором.

Увы, как раз перед отпуском они с Ольгой посмотрели британский сериал, где «великолепная тройка» была почти такая же, да и преступления похожие. Но со стороны вся эта детективная байда выглядела слишком схематично и скучно. Наверное, жанр детектива придумали аутисты, пока у них не было 1С и С++. Егор решил, что его личный порыв в литературное творчество – из той же оперы: отражает лишь недостаток интеллектуальной работы после университета.

Он не говорил об этом Ольге, но в отпуске вообще забросил свой детектив. Море – отличное средство от литературной болезни. После пары часов, проведённых в безмолвном мире кораллов, сочинение романов кажется полным бредом. Разве что записать в блокнот какое-нибудь простое и красивое наблюдение, пока греешься на камнях после долгого заплыва.

Так он и делал, купив в середине отпуска тонкий бежевый молескин и чернильную ручку. И сейчас открыл этот блокнот с гораздо большим удовольствием, чем ноутбук.

«Маленькая мидия лежит в прибое, волны гоняют её туда-сюда по песку. Когда очередная волна скатывается, но ещё не ушла совсем и песок жидкий, из ракушки вдруг появляется жёлтая нога. Нога начинает быстро вращаться, от этого мидия встает на ребро и вертикально врезается в песок. Следующая волна уже не двигает её, а только накрывает песком».

«Осьминог сидит на дне, разложив щупальца вокруг себя кольцами, словно большой ржавый замок с несколькими дужками. При моём приближении он приклеивается сбоку к камню и меняет цвет под этот камень – становится светло-песочным. Поднимаю камень, но не тут-то было: осьминог стекает в нору, обложенную по краям камешками поменьше; кажется, это его дом».

«Чёрных морских ежей сегодня меньше. Зато встретились зелёные и розовые, с короткими и мягкими иголками. Они похожи на мохнатые патиссоны, и неожиданно быстро двигаются на своих ножках-иглах. Мы посадили одного в ведро и смотрели, как он ходит по вертикальным стенам, высовывает иголки из воды и шевелит ими, проверяя, можно ли перебраться через край ведра. Эти ежи, в отличие от чёрных, довольно хитрые охотники. Когда видишь

первого, кажется, что на нём случайно налип мусор: какая-то ракушка, ветка и кусок крабовой клешни. Потом обнаружилось, что они все прилепляют себе на макушку по два-три мелких предмета. Маскируются».

Наверное, из таких молескиновых заметок не делают книг. Хотя, почему нет? Очень удобная книга получилась бы: небольшая, легко помещается в карман. И читать её можно с любого места, в любом порядке, потому что в ней нет сюжета и морали, никакой проторенной дороги – лишь сеть едва заметных тропинок, тонких ассоциативных связей, переводящих читателя от одного фрагмента к другому, как в японской ренге или в люсидном сне. Где-то здесь была такая история... Он полистал блокнот дальше. Ага, вот.

«Все уезжающие с острова оставляют что-нибудь тем, кто остаётся. Питерские ребята оставили англичанину большого воздушного змея, а наши соседи-голландцы подарили нам надувной матрас. После нашего отъезда и змей, и матрас тоже останутся здесь, переходя к новым владельцам. К ним добавятся и другие вещи – мячи, гамаки, летающие тарелки, прочитанные книжки. Сколько ещё таких переходящих вещей кочует по острову? Оседают они у тех, кто остаётся дольше других; эдакие хранители курортного духа и его ритуалов, главный из которых – медленное время – отлично выражается в переходящих вещах: быстрые люди меняются, а воздушный змей, гамак и хорошая книжка остаются теми же».

В слове «переходящих» первая буква «е» пропущена при быстром письме, а затем воткнута сверху более жирным завитком – он сделал это исправление, когда перечитывал дневник в самолёте. И размышлял потом, какие вещи можно назвать не «переходящими», а «преходящими». Наверное, те, у которых более печальная судьба. Те, что отбирают в аэропортах. Сам он таким образом лишился отличного ножа, оказавшегося в ручной клади. В другой раз забрали коньяк. А в последнем отпуске перед вылетом даже вызвали по громкой связи на весь аэропорт – в багаже завалилась парочка бенгальских свечей с Нового года.

Из отобранных вещей они устраивают настоящие выставки: большие стеклянные кубы, наполненные ножами и ножницами, подсвеченные витрины с банками и аэрозолями стоят посреди аэропортов, как эдакие алтари. Сразу ясно, что многие преходящие вещи по сути близки к переходящим: курортный дух острова не хочет отпускать свои ритуальные предметы, которые нужно было оставить там, раздать точно так же, как раздали надувные матрасы и мячи. В самом деле, зачем тебе в Москве охотничий нож? Разве с помощью него можно читать «Фейсбук»?

Пожалуй, историю про отобранные вещи тоже стоит записать. Егор вынул ручку, толкнул локтем так и не убранную тарелку от сырников – и вспомнил слова Ольги про левшу. Переложил ручку в левую, написал дату. Получилось на удивление легко, хотя и криво. Но теперь и писать расхотелось: он перевернул страницу и стал рисовать на чистом развороте осьминога.

Зазвонил телефон. Вот и труба зовёт. Видимо, Паша уже в офисе. Но нет, номер другой.

– Да, мам, привет.

– Привет-привет! Вы прилетели? А чего не позвонили? Мы волнуемся... Сегодня передавали в новостях, самолет упал в Индии.

– Мам, мы были на Гавайях. Прилетели ночью, я не стал звонить.

– Вы там хоть ели нормально? Я видела у Ольги фотки в «Инстаграме». Худая, как швабра. И чего она выставляется там в бикини на всеобщее обозрение? Будто кавалеров ей не хватает...

– Да-да, она по тебе тоже соскучилась и передаёт привет. Кстати, я случайно не был в детстве левшой? Говорят, некоторых детей переучивают, а это вредно.

– Никто тебя не переучивал! Где хоть ты взял такую глупость?

- Да так просто, передачу научную смотрел. А какой рукой я в школе писал?
- Откуда ж я помню? Сейчас схожу у отца спрошу.
- погоди, давай я лучше пере...

Но она уже не слышит. Даже трубку с собой не взяла. Она живёт в своём медленном времени, где ещё сильна привычка к стационарным телефонам, где никто не говорит скороговорками, не предлагает перейти в почту или чат, не выбирает каждый месяц новый тариф. Три минуты Егор слушает шорохи в трубке. Словно опять плывёт под водой с маской.

– Отец говорит, ты писал любой рукой. И вообще всякие штуки руками выделявал, когда маленький был. Яблоки огромные крутил на пальцах. Я ничего такого не помню.

– А до какого возраста я писал любой рукой?

– Не знаю. Он сказал, что в первом классе, когда тебя вызвали к доске первый раз, ты стал писать левой. Учительница спросила – ты левша? А ты сказал – нет, мне всё равно какой рукой писать. И стал писать правой. Видимо, с тех пор. Но никто тебя специально не переучивал!

– Понял, спасибо. Передавай ему привет.

– Вы хоть на майские приезжайте. Швабру свою тоже с собой бери, накормим её.

– Может быть. Не знаю пока. Ладно, мам, мне на работу.

– Да уж конечно, и позвонить некогда... Беги-беги, пока.

2. Двери

Прежде чем идти на рабочее место, он собирался заглянуть к Паше. Но пройдя половину опенспейса, притормозил. Сквозь стеклянную стенку кабинета было видно, что гендиректор занят: рядом стоит ассистентка Вера, показывает какие-то бумаги.

Интересно, кто придумал, чтобы у всех перегородки непрозрачные, а у начальника – стекло? В этом конечно есть свой бонус: кабинет Паши отгорожен полностью, а у остальных стеночка только полтора метра над землёй. Сотрудников в спейсе слышно, но почти не видно, если сидят. А начальника видно, но не слышно – и никто не узнает, какие там деловые разговоры он ведёт.

Однако, стоя напротив прозрачного кабинета, можно узнать многое даже без звука. Позы, жесты... Наверное, это отпуск среди иностранцев обострил восприятие невербального. Видно, что Паша с Верой спорят. Причём Вера спокойна, а Паша морщится и сомневается. И если не знать, кто из них начальник, а кто скромная студентка, взятая на работу даже без резюме, то можно было бы решить...

Паша увидел его и приветственно взмахнул обеими руками. Значительно активнее, чем предполагала их деловая дружба. Ну ясно – рад любому поводу, чтобы отложить эти самые бумажки. Можно входить.

– О, кто к нам вернулся с того света! Смотри, Вер, совсем другой человек!

Гендиректор шагнул к Егору через кабинет, протягивая пятерню. Стильно одетый, в приталенном пиджачке и узких джинсах, он и двигался по-особому стройно: спина прямая, подбородок вперед... Эдакий Леголас из Леголэнда. Егор подумал, что до сих пор не знает пашиного бэкграунда на эту тему. Балетная школа? Или папа-военный?

Тут возникла заминка. Егор опустил глаза: его левая рука протянута навстречу Паше вместо правой. А в правой зажат пропуск, с которым он вошёл в здание. Паша поглядел на пропуск и захохотал:

– Ага, я тоже с нашего турникета балдею! Когдаходишь, надо правой приложить, а выходишь – левой. Один раз бежал на встречу, чуть ноги не сломал об эту железяку, когда она не открылась – не той рукой приложил на автомате...

Опять повисла пауза. Егор вздрогнул, переложил пропуск в левую руку и быстро сунул в карман. Протянул Паше правую.

– А в Барселоне, представляешь, вообще все турникеты в метро левые! – Паша пожал его руку, внимательно заглядывая в глаза. – Там надо левой держать карточку, а проходить справа. Тоже не сразу переключишься после нашего метро. Помнишь, Вер?

– Да, – подтвердила Вера. – Но так даже удобнее. В правой я сумочку несу, в левой карточку. А чего ты не загорел совсем?

Теперь и она глядела на молчаливого Егора как-то озабоченно. Он тряхнул головой. Да блин, говори уже хоть что-нибудь.

– Э-э... Я по ходу разучился языком шевелить... Там на островах такое всё медленное...

Он широко открыл рот и изобразил руками волны. Паша снова хохотнул, и Егор наконец почувствовал, что поймал волну беспечного офисного трёпа. Вроде пляжного волейбола: к тебе летит мячик, ты должен отбить красиво, то есть в неожиданном направлении, но всё же в рамках заданного поля.

– И ещё там здороваются иначе.

– Покажешь? – Вера подняла бровь.

– Нужна цветочная гирлянда. А без гирлянды... вот так примерно.

Он шагнул к ней, придурковато воскликнул «Алоха!» и быстро клюнул её губами в щёку. У Паши на миг сделалось такое лицо, словно он пропустил мяч.

– Как во Франции, только один раз? Неплохо. Но в офисе я бы практиковать не стал. – Он оглянулся на свою стеклянную дверь. – Сейчас девочки такие замороженные. Пришьют харасмент.

– А по-моему, наоборот. – Вера как бы невзначай коснулась Паши локтем. – Хотя не знаю, стоит ли такое говорить...

– Да выкладывай, тут все свои.

– Ну... Вы подумайте, что чувствует девушка, когда вы вокруг неё здороваетесь? Тянете руки друг к дружке, стараетесь никого не упустить – кроме неё. Если оказываешься с шестью парнями, которые только что встретились, приходится целую минуту ждать, пока вы все друг друга потискаете. А девушку никто не замечает. Это тоже вроде как... харасмент.

– Сдаюсь. – Паша поднял руки вверх. – В своё оправдание скажу, что и мужики от этого не всегда в восторге. Наш сисадмин Жора, например, любит так пожать, чтоб хрустнуло.

– И ещё, когда много незнакомых, – поддержал Егор. – Помнишь, в старом офисе все свои были? А тут куча разных компаний на одной мануфактуре. С ними тоже знакомишься постепенно... и начинается перебор. Идёт тебе навстречу десяток мужиков по коридору, а ты лихорадочно соображаешь: этот наш, этот вроде тоже знакомый, а вот этому давать руку или нет? Может, это случайный гей из «Ламоды». Или ещё хуже, редактор из «Афиши».

– Короче, повелеваю с завтрашнего дня ввести всеобщее целование вместо рукопожатий. – Паша слегка приобнял Веру. – Можем начать тренироваться.

– Договоры подпиши сначала.

– Ох, да... Сейчас. Горыныч, ну ты в норме после самолётов?

– Почти. Но чтоб ты знал, Пабло, как мне было плохо, я тебе тоже захватил... – Егор выставил из рюкзака на стол чёрную бутылку.

– Вот это класс! Только попозже. Слушай, ты сегодня адаптируйся к родине, а завтра будет важная встреча с чуваком из «Бьюти-Мамы». Погляди в почте нашу презу, и про клиента поищи... Ну ты понял. Кстати, а правда, почему не загорел-то?

– Потому что у меня глаза серые. Вероятность рака кожи в два раза больше, чем у тебя.

– Во! Ты слышала, Вера? Настоящего учёного никакие Гавайи не собьют с настоящих фобий!

– А я не поняла, при чём тут глаза... Мне загорелые люди кажутся здоровее. Ну чего вы ржёте, объяснили бы лучше!

– Как раз для этого у нас в агентстве есть собственный научный консультант. Горыныч, продавай!

– Здоровее будет чувствовать себя любой, кто провёл отпуск на море. – Егор произвольно развернул плечи. – Чистый воздух, плавание, много фруктов... Но всего этого ты не можешь показать другим людям по возвращении. Загар – не самое полезное следствие, зато самое заметное в наших бледнолицых краях. Поэтому загар и превратился в статусный символ хорошего отдыха. Типичный случай, когда корреляцию путают с причинной связью и устраивают карго-культ вокруг наглядного, но бесполезного и даже вредного явления...

– Всё-всё, мой гуманитарный мозг уже дымится! – Вера закрыла руками уши. – Паш, давай с договорами закончим.

###

Пароль к рабочему компу вылетел из головы начисто, и после пятого раза Егор оставил попытки подобрать его – вспомнились слова Жоры о том, что если часто долбить, система может вообще заблокироваться. Проверять эту страшилку не хотелось. Хотя забытый пароль

в виде хаотичного набора цифр и букв исходил от того же сисадмина, и было бы логично, если бы две жорины технологии безопасности наконец столкнулись лбами. Но остатки отпускного спокойствия ещё сдерживали офисную горячку, и вместо борьбы с окошком логина Егор стал не спеша наводить порядок.

Он выкинул два контейнера ненужных распечаток, сломанный степлер, несколько пластиковых стаканов из-под кофе – и тогда офисный бог чистоты вознаградил его ценной находкой в виде жёлтого стикера с той самой последовательностью букв и цифр. Про опасность вывешивания паролей на видном месте Жора тоже предупреждал, но это уже слишком. Все знают, что самые важные вещи надо писать на ярких стикерах.

Бумажка порадовала Егора не только тем, что позволила наконец залогиниться. Разглядывая жёлтый стикер, он вспомнил, как в детстве играл сам с собой в «секретные послания»: сочинял записку с шифром или с картой сокровищ, засовывал в прозрачный цилиндр от шариковой ручки и закапывал осенью во дворе дома, под какой-нибудь особой приметой вроде газовой трубы. А весной, когда сходили снеговые горы, выкапывал это послание... и оно действительно читалось как письмо другого человека.

Ну вот, а теперь и трёх недель хватает, чтобы испытать такое же детское чувство с позабытым паролем на стикере. «Мы могли бы служить в разведке», ага.

Непрочитанных писем накопилось штук пятьдесят, но в основном они не касались Егора – его просто ставили в копию переписки по разным проектам. За два часа почтовый ящик был расчищен, «на потом» осталось лишь четыре сообщения, которые требовали более внимательного просмотра вложенных документов.

Пожалуй, хватит адаптации на сегодня. Он воткнул смартфон в USB и запустил скачивание отпускных фоток на комп. Облачных сервисов он не любил, но украденная однажды мобила научила его регулярной архивации телефонного добра на запасные носители. Что ни говори, а собственные ошибки учат безопасности лучше, чем паранойя сисадмина.

Ещё через час дала о себе знать спина, отвыкшая от офисного высиживания. Но только лишь он собрался выскользнуть на обед, как рядом нарисовалась Света, тихая SMM-щица, сочиняющая как бы интересные посты для клиентских групп в соцсетях.

– Привет! Не отвлекаю? Паша сказал к тебе подойти. У меня анонс какой-то неудачный вышел сегодня. Всего девять лайков и ни одного коммента. Посмотришь?

– Э-э... Знаешь, я только вчера прилетел, надо кучу писем разгрести... – Он покосился на экран, но открытая там фотка с пальмами не подтверждала образ тяжелой работы. – Хотя, если у тебя текст небольшой, давай посмотрим. Какой проект?

Света назвала адрес.

– У меня с утра голова болела, может поэтому и пост фиговый...

Егор оторвался от экрана, где ещё не загрузилась нужная страница, и поглядел в окно. От утренней снежной пелены не осталось и следа. Небо совершенно чистое, солнце палит. Но зато теперь ветер сильный, по деревьям видно.

– У тебя всегда голова болит, когда погода меняется?

– Да, наверно. – Света коснулась пальцем правого виска. – Вот здесь. Перед дождём обычно. Или наоборот, когда вдруг жарко становится.

– А знаешь, чем наши юзеры отличаются от рыб?

– Н...нет.

– И правильно. Ничем. При резкой смене погоды рыба не клюёт. С людьми в Интернете та же петрушка. Хотя на посещаемости это, как правило, не сказывается. То есть читают или ролики смотрят как обычно, даже иногда чуть активнее. А вот комментировать и лайкать перестают. Как бы затаиваются караси наши.

– Здорово! Значит, сам пост нормальный?

– Думаю, да. Смотри по статистике: читали не хуже, чем вчера. А если хочешь больше комментов и лайков, публикуй с учётом прогноза, когда погода стабильная. Можно просто посмотреть на «Гисметео». Или даже лучше: сходи к Вике и попроси, чтобы она тебе показала «Синоптиков». Мы делали для одного психа такое сообщество в позапрошлом году. Сразу увидишь, в какие дни лучше публиковать.

– Спасибо! Слушай, у меня прям даже голова прошла.

– «Доктор Хаус едет сквозь снежную равнину!» – пропел Егор, откинувшись в кресле.

В обычном случае он бы оговорился, что это лишь рабочая гипотеза, хотя он и вправду наблюдал такой эффект, но причина может быть и другая, надо всё проверить... Да ну нафиг. Первый день после отпуска. Ему вообще сейчас положена ломка-городняшка. Или как минимум перерыв на обед.

Проходя по двору бывшей мануфактуры, он мысленно перебрал местные кафешки и направился к одной из них... но остановился у заколоченной двери в кирпичной стене. Что-то здесь было до отпуска? Да вроде нет, давно уже эта дверь забита. Он двинулся дальше, но у самого кафе опять притормозил. Вспомнил.

То, что было за обшарпанной дверью, накатило из более далёкого прошлого. Ещё студентами ходили они на Даниловскую мануфактуру поесть. В начале двухтысячных здесь был вещевой рынок, а в глубине его – вьетнамская кафешка, хорошо спрятанная в лабиринте торговых рядов с шубами и платьями. В этом и был их студенческий лайфхак: на каждом рынке прятался такой вот дешёвый и вкусный шалманчик «для своих», и они с друзьями периодически находили и показывали такие места друг другу, что позволяло экономить скудный бюджет.

Он передумал заходить в аккуратную стекляшку «Караваемых», развернулся и пошёл на Даниловский рынок.

3. Чашка Петри

В рекламное агентство Паши он попал так же случайно, как до этого – на биофак. Не то чтобы совсем от балды, но... Есть такой образ жизни, когда оглядываясь назад, понимаешь, что всё вышло правильно – но думая о будущем, никогда не относишь себя к тем людям, у которых, как пел Цой, «есть хороший жизненный план».

В восьмом классе Егор выиграл областную олимпиаду по биологии и получил приглашение в столичную спецшколу-интернат с биохимическим уклоном. Правда, выращивание огурцов на даче и пересвистывание с домашней канарейкой едва ли можно было назвать его главными увлечениями. С не меньшим интересом он рисовал, играл в футбол или паял радиоприемники из тех деталек, что приносили с работы родители-инженеры. Однако родители резонно заметили, что столичная спецшкола – с любым уклоном – будет всяко лучше своей подольской, где после выпускного ничего не светит, кроме окон военкомата на проспекте Ленина. Так что, если дали шанс – вали в Москву.

Поступление на биофак универа стало автоматическим следствием спецшколы. Учеба особо не напрягала, но после второго курса надо было как-то определиться со специализацией, найти себе научного руководителя и двигать в сторону диплома.

Поразмыслив на эту тему, Егор пришёл к выводу, что его отношение к биологии лучше всего выражается схемой Палеонтологического музея. А точнее, любимым маршрутом по этому музею. Первый раз оказавшись в Палеонтологическом, он вошёл на экспозицию с той стороны, где был выход. И с тех пор, даже узнав об ошибке, он всегда гулял по этому музею именно так: начинал со скучных черепов первых людей, затем переходил к гигантским костям более древних млекопитающих, миновал динозавров... С каждым следующим залом, с каждым этапом этой обратной эволюции жизненные формы нравились ему всё больше. И особенно – самый последний, самый классный зал с моллюсками, иглокожими, радиоляриями и другими прекрасными существами, которых голые обезьяны вида гомоцапов оскорбительно называют «простейшими».

В общем, кафедра зоологии беспозвоночных поначалу казалась лучшим выбором. Однако с наукой на эту тему возникли некоторые противоречия. После летней практики на Белом море Егор понял, что он не настоящий ботан, готовый тратить жизнь на уточнение классификации мшанок. А ещё обнаружилось, что множество людей, занятых такой наукой, на самом деле тоже не фанаты: им просто нравилось почаще бывать на природе, жить в медленном времени леса, в безмолвии моря; университет они использовали, чтобы обеспечить себе приятный эскапизм. Егору же наука нравилась сама по себе, а жизнь нравилась активная. Если же хочется замедлиться, всегда можно поехать к родителям в пригород, где до реки и леса – пятнадцать минут ходу, и для этого не требуется оправданий в виде исследовательских экспедиций.

Когда он поступал в универ, считалось, что российская наука «начала возрождаться», но на деле это по-прежнему напоминало различные формы загробной жизни. Научные мужи с хорошим жизненным планом по-прежнему старались свалить за границу, оставляя на родине научных жён. Самые бойкие из этих старушек осваивали розничную торговлю, и потому типичной визиткой академических заведений с высокими колоннами стали прилавочки с эзотерической литературой, целебными травами да эфирными маслами. Прилавочки эти обычно лепились на самом входе возле охраны, рядом с доской объявлений о лекциях по расширению сознания. Так что и с сознанием всё было схвачено: у таких старушек несложно сделать и диплом, и кандидатскую, которая вполне оправдала бы тихую ботаническую жизнь... но Егора такая перспектива не манила.

Однако последние представители разваленной советской науки сослужили ему другую добрую службу – как переводчики всего того, что делала наука за рубежом. Егор запоем читал переводные научно-популярные книги, оказавшиеся интереснее всей отечественной фантастики, и даже стал постепенно склоняться в сторону того, что на Западе называется Neurosciences, а в отечественной версии биофака представлено кафедрой высшей нервной деятельности. Там и преподаватели выглядели поживее, чем беспозвоночные.

Правда, там выявилась другая особенность пост-жизни на академических руинах. Многие представители нового поколения отечественной пост-науки представляли собой цветастую помесь шоуменов с бизнесменами, зачастую даже выступали пиарщиками каких-нибудь инноваций – но как учёные копали неглубоко, занимаясь преимущественно компиляциями западных рисёчей.

На семинаре одного такого профессора, красиво вещавшего о новых концепциях «эмоционального интеллекта», Егор задал невинный вопрос об ограничениях, которые накладывает использование томографов в исследовании мозга. Ведь ФМРТ показывает лишь приток крови к целым группам клеток, то есть не позволяет наблюдать активность отдельных нейронов, не говоря уже о передаче отдельных сигналов по синапсам...

Вопрос был вполне корректный, но профессор не на шутку обиделся. Как выяснилось впоследствии, за месяц до этого какой-то въедливый рецензент разнёс научную работу профессора, используя схожие аргументы. Рецензент утверждал, что большое количество публикаций по «эмоциональному интеллекту» стало следствием «культы инструмента», подобно тому, как более ранние исследования с помощью энцефалографов породили множество бредовых теорий о «мозговых волнах». Теперь, утверждал критик, такие же мифы порождает использование томографов, которые могут исследовать только внесинаптическую передачу сигналов, когда нейроны работают в режиме «масс-медиа». Но таким способом передаются не мысли, а эмоции – отсюда и мода на «эмоциональный интеллект». Всё это Егор прочитал значительно позже, когда его отношения с потенциальным научным руководителем были уже испорчены случайным попаданием в болевую точку последнего.

А тема для диплома в конце концов нашлась на другой кафедре – случайно, опять же. Подруга затащила его на лекцию «Анализ социальных сетей: новая антропология». Тоже попса, но куда не сходишь ради симпатичной сокурсницы?

Выступавший аспирант, всего лет на пять старше Егора, и сам начал с шуток о том, что приходится идти на поводу у школоты: никому теперь не интересно рыться в окаменевших экскрементах, но стоит только упомянуть Facebook, так и полная аудитория набивается.

Кстати, школота, вы ведь в курсе, что каждый человек связан с любым другим через шесть рукопожатий? Чтобы проверить эту гипотезу с помощью бумажной почты, Милгрэму потребовались годы – а сейчас на основе соцсетей можно получить вот такую диаграмму за один день. Смотрите, среднее число узлов между любыми двумя людьми составляет всего три с половиной, а больше пяти практически не бывает. Можно даже оценить связность в разных группах: видите, физики-теоретики знают друг друга лучше всех.

И ещё о профессиях – как вы думаете, каковы шансы, что дочь учительницы тоже станет учительницей? Вот статистическая картинка по всем профессиям, обратите внимание на военных. А хотите узнать, насколько дети с возрастом удаляются от родителей в обычных километрах? Да пожалуйста, смотрите здесь: сыновья всё-таки дальше, чем дочки.

Что ещё интересно школоте? Секс, религия? Угадайте, какой процент мусульман вступают в отношения с христианками. Нет, не угадали – меньше. Теперь сравним с графиками по другим религиям: ага, у мормонов вообще жуть. А вот и раскладка по странам: видите, Испания самая раскрепощённая, но даже там межконфессиональных пар вдвое меньше, чем пар с общей религией.

Хочется навести на резкость и поизучать отдельных людей? Легко! Вот вам персональные кластеры связей: у большинства людей их всего три, «семья-школа-соседи», к 30-ти годам добавляется ещё пара кластеров, но позже опять происходит спад до трёх. А вот векторы внимания: успешный человек больше общается с друзьями, несчастный – читает незнакомцев. А вот любопытные корреляции вкусов: владельцы кошек чаще увлекаются мрачной фантастикой. Ну и конечно, многие вещи можно в динамике прокрутить: скажем, частотный анализ ключевых слов в постах выдаёт периоды обострения психических расстройств – все видят на этой картинке, в чём секрет успеха рождественских распродаж?

На таких примерах связка пыльной антропологии с современными сетевыми исследованиями вышла очень впечатляющей, и Егор вышел из аудитории с целым списком новых имён, от Эмиля Дюркгейма до Джаред Даймонда. Даже Лоренца и Фарба захотелось перечитать с учетом того, что показали на слайдах той лекции. А может, всё дело было в картинках: деревья социальных графов и ёжики диаграмм удивительным образом напоминали любимый зал Палеонтологического, а весь Интернет представлялся огромной чашкой Петри...

В этой чашке у него завёлся и свой уголок для экспериментов: после одного летнего похода они с приятелем замутили группу «Вконтакте», посвященную родникам и ключам. Вскоре стало ясно, что в соцсети не хватает функционала – в первую очередь, нужна была удобная интерактивная карта, лучше в виде мобильного приложения. Плюс какая-то система поощрения: те, кто описывает и наносит на карту больше родников, должны получать больше уважения и респекта.

Приятель, учившийся на геологическом, больше интересовался самой картой, которую он собирался использовать в своей научной работе с модным экологическим уклоном: засоление грунтовых вод вследствие вырубки лесов. Егор же увлёкся сетевой антропологией. Начавшись с рутинных задач по организации сайта – как упростить навигацию, разрешать ли анонимность – его наука постепенно двигалась к более тонким вопросам.

Принципиально ли онлайн-овые ритуалы отличаются от офлайн-овых, или это просто другая форма тех же ритуалов? Скажем, чтение записей в блоге понравившейся девушки – чем не аналог обнюхивания при знакомстве? Или такая параллель: выбор сетевого ника как наречение новым именем при инициации у индейцев.

Или вот сакрализация приложений. Понятно, что машинный интеллект уже обогнал человека по многим параметрам в цифровой среде, как акула обгоняет в воде аквалангиста. Но статус «высшей силы» пока ограничен, поэтому отношения с умными машинками очень напоминают отношения язычников с разрозненными духами природы, а в роли шаманов выступают сисадмины и хакеры. Означает ли это, что следующим шагом обязательно станет поклонение единому машинному супер-интеллекту, эдакий технический монотеизм?

Ну и самое интересное: какой клей скрепляет сетевые сообщества, если речь не идёт о родстве, территории и прочих понятиях «своих-чужих» из физического мира? Казалось бы, логичный ответ – «общая идея». Но любой вменяемый вебмастер скажет вам, что этого недостаточно.

Более того, собственный опыт поддержки сайта-сообщества привёл Егора к подозрению, что некоторые скромные вебмастера шарят в этологии даже лучше, чем бородатые профессора университетов. В то время как раз вышла книжка голландского приматолога Франса де Ваала «Бонобо и атеист: в поисках человеческого у обезьян». В ней известный учёный описывал загадочный эффект: после 2005 года его студенты на лекциях стали в штыки воспринимать цитату о том, что человек по природе – злобное эгоистичное животное, а вся мораль и взаимное уважение – лишь лакировка низменных инстинктов. Однако массовые научные публикации, доказывающие врождённый альтруизм, появились позднее. Поэтому Франс де Вааль предположил, что вначале произошли какие-то изменения в обществе, а наука «просто пыта-

ется соответствовать духу времени». Но что именно случилось в середине нулевых, отчего студенты вдруг поверили в доброту окружающих? Учёный с мировым именем так и не понял.

А опытный вебмастер ответил бы сразу: именно в эти годы в интернет-сервисах стала обычным явлением ежедневная оценка действий каждого человека с помощью “плюсов”, “лайков” и прочих виртуальных поглаживаний. Общественно-полезные дела стали приносить быстрое и наглядное поощрение: родилась цифровая карма. Вебмастер даже назвал бы эту “лайкировку” новым этапом развития нравственности человека будущего... но тут его мог бы щёлкнуть по носу бородатый антрополог, который напомнил бы, что такая же ситуация усиленного позитивного фидбэка работает в религиозных общинах и сектах. Именно потому так живучи некоторые бредовые идеи: если их последователи получают больше позитивных реакций от своих единоверцев, чем одинокий желчный атеист, такое мировоззрение не разломаешь голой логикой...

После диплома Егор продолжил ту же тему в аспирантуре: вебмастер и антрополог в его голове отлично работали вместе. А вот с геологом они разругались. Предметом спора, как во многих подобных случаях, стали деньги. На популярной конференции стартапов, где они демонстрировали свое приложение с картой родников, геолог подружился с представителями компании-производителя минеральной воды. Вначале дядечки в дорогих пиджаках заинтересовались проектом чисто ради пиара, но скромный парень с геофака показал себя настоящим бизнесменом: он предложил им освоить местное производство минералки из тех соляных ключей, что размечены на карте. Зачем тащить через всю страну воду из какого-нибудь Кисловодска, если её можно качать под Москвой?

При этом всю сделку по продаже проекта он провернул без участия Егора. Это было нетрудно: вся документально оформленная собственность их бизнеса состояла из домена, записанного на геолога, и приложения в Google Play, опубликованного с его же аккаунта.

Однако на конференции заметили и второго партнера. Среди визиток, попавших в карман Егора, оказалась чёрная карточка с серебряным названием пашиного агентства. На тот момент Егор ещё не знал о кидалове, которое приготовил ему геолог, и чёрную визитку он взял исключительно из вежливости, чтобы побыстрее разойтись.

Но Паша сам позвонил через две недели. К тому времени стало ясно, что вся егорова антропология превратилась в чисто теоретическую науку: материал для диссертации у него был, а вот сайта уже не было. Да и денег тоже. Поэтому пашино предложение «проконсультировать один похожий проект» оказалось весьма кстати.

4. Рыбка Поньо

Поедая паэлью на рынке, он вспомнил, что надо покормить и мобильник, то бишь купить зарядку – старую они забыли в отеле в Гонолулу.

Ха-ха. Зарядка для мобилы? Да ты просто нашёл ещё один предлог, чтобы не возвращаться в офис. Хотя раньше после отпусков иначе было: накрывало унылым сплином... А теперь такое ощущение, словно что-то отпускное приехало вместе с тобой и незаметно, но упорно подламывает реальность. Не подменяет её, как делает красивая отпускная фотка с пальмой, а именно подламывает, вытаскивая что-то такое, что в этой реальности уже есть, только ушло на задний план. Все эти ассоциации, воспоминания, заколоченные двери...

Словно бы в подтверждение этих мыслей, улицы решительно отказывались приводить его к салону связи или какому другому магазину, где продавалась бы нужная зарядка. Зато, когда он увидел вывеску «Тайский массаж», внутренний голос сказал не то чтобы «да», но «уже теплее». А может, это сказала спина, которая ещё ныла после отсидки в офисе.

Главное правило выбора тайской массажистки Егор вывел год назад в отпуске на Самуи: она ни в коем случае не должна быть молодой и симпатичной. Лучший массаж делают страшноватые тётки лет пятидесяти – разминают так, что выходишь словно после шести раундов бокса. Однако в салоне, куда он зашёл на этот раз, ему предложили выбрать мастера по фоткам, где все они были сильно накрашены и наряжены, как храмовые статуи неизвестного периода.

Он ткнул наугад, но не прогадал. Хотя, даже когда она помыла ему ноги, он так и не мог определить, сколько ей лет. В комнате темно, лица не разглядеть, а её движения, скажем так, противоречат ожиданиям. Именно это ему и нравилось в тайском массаже: каждый раз получалось по-разному, словно каждая массажистка не только применяла собственный стиль, но и добавляла творческого разнообразия с учетом особенностей клиента, а может даже с учётом погоды.

Так случилось и здесь. Начала она медленно и как-то нехотя, словно до этого устала с другими клиентами, и Егор решил, что ей лет сорок. Но вот она перешла от ног к спине, виртуозно работая коленями и локтями, и в конце концов легко вскочила прямо на него, разворачивая ему лопатки своими маленькими ступнями. Сразу представились мультфильмы Миядзаки, где старушки легко превращаются в девочек, а девочки в рыбок, а потом обратно. Та, что бежит сейчас по его спине – ну точно девочка лет пяти, и это никак не вяжется с фотографией каменной статуи на стойке регистрации. Каждое её нажатие отдаётся тихой вспышкой во внутренней темноте, и в памяти снова всплывает планктон, как он флуоресцирует на отливе, они все вышли на берег в тот вечер, чтобы полюбоваться на это чудо: дочка француза из соседнего бунгало с опаской разглядывает созвездия, вспыхивающие под ногами, потом идёт смелее, подпрыгивает и танцует, и зелёные огоньки бегут за ней по краю воды...

Массажистка ничего не говорила вначале, но, когда он совсем расслабился и закрыл глаза, она спросила что-то, чего он не понял. Ей пришлось повторить, «Are you okay?». Он ответил утвердительно, и дальше они только перекидывались этими «океями». Один раз он ойкнул, когда она разминала ему правое плечо, но он сразу сказал «окей-окей», в том смысле, что она не виновата. Добавил «I work a lot with computers» и изобразил руками клавиатуру.

Она засмеялась и кивнула, «Computers yes», и ещё немного поплясала на том плече. Затем обошла вокруг, села на колени с другой стороны и взялась за его левую ладонь.

В голове вспыхнуло так, словно в комнате сорвало потолок. Видимо, она нажала какую-то особую точку. От неожиданности он даже подскочил, и видение сразу исчезло. Вокруг по-прежнему сумрак, играет тихая музыка.

– Воуна?

– What?

– Бойна?

Он наконец понял, что она спрашивает по-русски.

– Нет, не больно. Чуть-чуть.

– Бойна чуть-чуть. Патом карашо.

– Да-да, окей.

Хотелось сказать ей что-нибудь ещё, как до этого он говорил про компьютеры. Но то была правая рука, которая действительно устаёт от мышки и тачпада. Туннельный синдром и всё такое. А левой он вроде ничего особого не делал...

Она опять взяла его левую ладонь, аккуратно потянула мизинец, безымянный, средний. Он почувствовал, что на пальцах натянута верёвка. Повернул голову, посмотрел на руку.

Конечно, никакой там верёвки нет. Но чувство-воспоминание удивительно яркое, прямо как та вспышка голубого света. Цвет моря. Они гуляют по прибрежному рынку. Какой-то сухой старик с длинными седыми патлами, заплетёнными в косички, показывает фокусы с верёвкой на пальцах. Делает из неё фигуры, одна превращается в другую, как мультфильм. Потом старик машет рукой, приглашает подойти.

Они с Ольгой и парой друзей смеются, толкают друг друга к старику. Наконец Егор протягивает левую ладонь, старик набрасывает верёвочные петли ему на пальцы. Дергает другой конец верёвки – оп! – и над рукой вырастает что-то вроде верёвочного шалаша. Старик что-то говорит. «Это гарпун», переводят рядом по-английски. Старик делает ещё пару пасов, и на месте верёвочного гарпуна появляется верёвочная рыбка. Рыбка плывёт по верёвке и заплывает в ладонь Егора. Все хлопают.

Голубой свет меркнет, вокруг тёмная комната, мягкие пальцы массажистки переходят с ладони на предплечье, потом на плечо.

После того гавайского рынка они поехали в бар, и кажется, он там перебрал с ромом. Наверное, поэтому и забыл происшествие со стариком и верёвкой. Может, позвонить Ольге? Она наверняка всё помнит.

Он приподнялся на локте, намереваясь встать.

– Дайсе девать, – сказала массажистка. – Гавава. Не бойна.

– Да, простите, забыл.

Он снова лег. Никуда бежать не надо. Наоборот, попросить эту рыбку Поньо ещё разок пробежать по спине. И по рукам, конечно.

###

Большой оранжевый рюкзак, ещё утром стоявший в прихожей, исчез. И хотя из ольгиной смски он уже знал, что она придёт домой раньше, его немного покорило это самоуправство.

Он заглянул в гостиную. Так и есть: разобрала не только свои вещи, но и его! Книжки, которые он брал в отпуск, лежали на письменном столе, рядом с большой раковиной *Symbiola pobilis*, выловленной в последний день. В спальне хлопнула дверца шкафа, и он направился туда, сделав по дороге глубокий вдох.

Ну подумаешь, разобрала. Конечно, он бы сам не спешил, он ещё не переключился полностью на эту городскую квадратно-гнездовую жизнь с блестящим паркетом, пластиковыми окнами и икейными шкафами. Оранжевый рюкзак вполне мог бы постоять в прихожей ещё пару дней...

Стиральная машина. Он услышал звук, и не заходя в спальню, прошёл дальше на кухню.

Блин. Не только разобрала, но и в стирку засунула. Прозрачная дверца стиралки была похожа на иллюминатор самолёта, попавшего в шторм.

– Оль, ты давно дома?

– Ага. Отпустили пораньше, чтоб не свихнулась сразу после отпуска. – Она вышла из спальни, держа в руках его ласты. – Слушай, а где у нас раньше это лежало?

– Давай сюда. Вообще, зря ты... я бы сам своё разобрал. Стираешь небось в холодной воде?

– Ой, не начинай. Там на всех бирках написано – тридцать градусов. Вещи портятся, если их стирать в горячей.

– Зато бактерии дохнут. И грязь отстирывается. Сто раз говорил: мои джинсы хотя бы не стирай в холодной.

– Так. У тебя тяжёлый день был, да? У меня тоже. Мог бы спасибо сказать, что я после работы ещё и дома порядок навожу.

«А я потом ничего не могу найти», хотел ответить он. Сдержался. Медленно, словно через соломинку, выдохнул. Поставил чайник и плюхнулся в кресло на кухне у окна. Движение отдалось слабой, приятной болью в плечах, размятых на массаже. Хотел ведь спросить у неё про того старика. Как некстати ссора.

Раздражение постепенно улеглось, и чайник тоже отшумел. Егор заварил улун, подождал ещё, пока смолкнет стиральная машина, и вернулся в спальню. Ольга по-прежнему копалась в шкафу. Может, это её личный способ скрыться от неприятностей? Надо потом спросить, не пряталась ли она в шкафу, когда была маленькой.

– Ну извини, Оль. День и правда дурацкий. Будешь чай?

– Буду. – Она выглянула из-за дверцы шкафа с усталой улыбкой. – У меня есть манговые печенюшки из дьюти-фри.

– Слушай... А ты помнишь, мы в последний день плавали на Мауи, и когда шли с пляжа через рынок, там один старикан показывал фокус с верёвкой...

Он замолчал, увидев, что она перестала улыбаться.

– Теперь ты меня извини. Кажется, я её выкинула.

– Что выкинула?

– Верёвку, которую тебе всучил этот сумасшедший. Ты её бросил в пакет с ластами. Я подумала, ты просто из вежливости её взял. Она такая грязная была, а в пакете было полно песка и водорослей... Я всё вывалила в мусор. Ласты и маску помыла.

Он вернулся на кухню, открыл дверцу шкафчика, где стояло помойное ведро.

– ...И мусор вынесла, – тихо сказала Ольга, заходя на кухню следом за ним.

– Левый или правый контейнер?

– Что?

– В какой контейнер на помойке ты бросила мусор? Там обычно два стоят.

– В правый. – Она вышла за ним в прихожую, и пока он надевал ботинки, добавила: – Белый пакет из «Азбуки вкуса».

Он вернулся минут через пятнадцать. С глупой усмешкой поднял руку, демонстрируя висящее на ней кольцо мокрой зеленоватой верёвки. Ольга отшатнулась: на рукаве его новой куртки блестело жирное пятно, красное с жёлтым краем – видимо, соус. Но он совершенно не замечал этого. Так и прошёл в испачканной куртке в комнату, бросил грязную верёвку на стол и открыл ноутбук.

– Егор?

– Да?

– У тебя всё в порядке?

– Да.

Он не отрывался от монитора.

– Я хотела сказать... ты не против, если я съезжу к маме на пару дней? Подарки отвезу. Ну и вообще, нам кажется надо отдохнуть немного друг от друга...

– Как хочешь.

#

Поисковая лихорадка прошла так же внезапно, как началась. С чего он вообще решил, что ему поможет карта? Найденная верёвка вызвала ассоциацию с береговой линией?

Он начал с того, что открыл Google Maps и спикировал на Гавайский архипелаг. Когда появились названия островов, выбрал Мауи и снова ринулся вниз, на быстро расширяющуюся землю, к городку Капалуа. Дальше посложней: названия рынка или улицы он не знал. Но знал название отеля и пляж, куда они ходили нырять в тот день – можно полетать между...

Увы, это ничего не дало. Хотя он нашёл рынок и прошёлся по нему в Street View, узнавая навесы из пальмовых листьев. И даже прочёл несколько туристических обзоров, где этот рынок упоминался. Но никаких аттракционов с верёвкой на руке.

Вместе с разочарованием навалилась апатия. Он выпил чаю, написал Ольге в чате “извини, это нужно по работе, потом объясню” – и только тут заметил, что уже за полночь.

После контрастного душа апатия отступила, сменившись обычной усталостью. В темноте громко звякнул смартфон: от Ольги прилетело холодное “ок”. Он пролистал список её сообщений за последние дни – и подумал, что с утра можно позвонить турагенту. Тот, кто продал им путешествие по Гавайским островам, должен что-нибудь знать.

5. Птичий рынок

Клиент не был похож на солидного человека. Лет двадцать пять или даже моложе. И взгляд какой-то слишком позитивный. Впечатление несерьезности дополняли рыжеватая хипстерская борода «совочком» и пиджак в крупную коричневую клетку, явно подобранный под бороду.

Он сидел у дальнего конца длинного стола, занимающего всю переговорку. Коллеги из агентства расположились с другой стороны, ближе ко входу. Егора приветствовали дежурными вопросами про отпуск. Он снова отшутился про отсутствие загара, сел позади всех в углу и стал разглядывать рыжебородого.

Может, стартапщик? Тогда, если судить по одежке – самый худший тип стартапщиков. Таких Егор называл «соловьями». Они обычно носятся с Идеей, которая Сделает Мир Лучше. Носятся шумно и бывают очень изобретательными, но на длинные дистанции не бегают. После того, как стартап лопнет, они затевают другой стартап, а если за спиной уже пара-тройка провалов – оседают поближе к большим кормушкам, в каких-нибудь инвестиционных фондах в качестве «эксперта по стартапам». Лучше с ними не связываться, или по крайней мере не иметь общих проектов, рассчитанных более чем на полгода.

По-настоящему стартапы строят другие птицы. Во-первых, «дятел». Эдакий занудасисадмин, готовый пахать над своей разработкой годами. Хотя «своей» в данном случае – не очень корректное слово. Дятлы не страдают фантазией, а потому обычно пользуются чужим креативом, как минимум на уровне техзадания. Марк Цукерберг, нанятый доделывать проект университетской социальной сети, просто унёс её с собой – так получился Facebook. Альберт Попков работал у каких-то прибалтов, делавших сервис для одноклассников, потом ушёл от них и открыл российских «Одноклассников». Отечественные стартапы – сплошная армия клонов. Ну и что? Главная фишка дятлов – упорство. Шансы на выживание их поделок довольно велики, вести с ними дела можно долго и выгодно.

Другой перспективный вид – «лысый орёл». Скучающий бизнесмен, который срубил большие бабки на чём-то неромантичном, и решил теперь поиграть в инновации. В прошлые века «лысые орлы» двигали балет или постройку *perpetum mobile*, сейчас у них популярны другие незакрытые гештальты. Хотя чистых любителей искусства и науки среди них немного. Они просто знают, что деньги портятся, если не двигаются. Инфляция, девальвация, кризисы, периодическое раскулачивание и посадка отдельных богатых буратин. Поэтому люди с большими доходами вынуждены постоянно вбухивать свои бабки куда-нибудь.

И специально под таких несчастных создаётся рынок модных точек для сдачи бабок, своего рода освободительная психотерапия: ведь вбухиванием движет страх потери, амигдала жжот. Сейчас модно сдавать на мобильные приложения, завтра будет модно сдавать на умные бактерии, искусственные острова или собственный Нейронет с нейроджеком и нейрошлюзами. Но сценарий тот же: можно неплохо посотрудничать, пока у барина золотишко водится. Приезжаешь в какую-нибудь заснеженную промзону, проходишь склад с лакокрасками и унитазами – и попадаешь в райский уголок, где все сидят на новеньких Маках и говорят «мы уже заказали логотип».

Первое время эта фраза служила для Егора тем звоночком, после которого надо вежливо раскланяться. Потому что дальше всё понятно на два года вперёд: кучу бабок выбросят на ветер, ни черта работать не будет, а потом тебя же и обвинят. Но позже он понял, что если не вживаться в такие проекты глубоко, а проходить по касательной, в роли консультанта, то и с «лысыми орлами» можно работать. Более того, в отечественных реалиях, где нет биржи, только скучающие миллионеры и могут обеспечить выживание наиболее шизовых стартапов.

Но парень в клетчатом пиджаке выглядит слишком молодо для «лысого орла». И чересчур хорошо одет для «дятла». Правда, и «соловей» из него не торт: сидит молча, рисует чего-то у себя. Настоящий «соловей» уже впаривал бы свою Великую Идею собравшимся, или хотя бы шутил с девушками для разминки.

Остается вариант «волоклой». Та птичка с красным носом, что сопровождает бегемотов, как личный доктор. Хитрый и исполнительный пиарщик более крупной компании. В целом это лучше, чем стартап. Ибо стабильнее. Но общаться тяжелее: постоянно будет «испорченный телефон» с согласованиями и утверждениями...

На этом месте игра в орнитологическую гадалку была прервана – в дверях переговорки появился Паша, но тут же отступил и пропустил вперёд маленького бритоголового человека в кожаной куртке. Хотя золотую цепочку у него на шее нельзя было назвать «цепью», она всё-таки показалась Егору излишне толстой.

– Ага, все в сборе, отлично! – воскликнул Паша. – Я уже рассказал Иосифу Леонидовичу в общих чертах, что мы можем предложить компании «Бьюти-Мама». А сейчас всё это более подробно покажет Андрей... – Перехватив удивлённый взгляд Егора, он добавил. – ...Наш новый креативный директор.

Рыжебородый хипстер поднялся, взял пульт и открыл на большом экране первый слайд презентации: счастливая мамаша с толстым придурковатым карапузом на руках.

Блин, ну ты и тормоз, обругал себя Егор. Из-за вчерашних поисков верёвочного фокуса он забыл поискать информацию о заказчике. А когда пришёл в офис, то обнаружил, что смартфон разряжен. И зарядка новая до сих пор не куплена. Ну вот, решил импровизировать на ходу... и принял нового сотрудника за клиента. Хорошо хоть, не успел ничего сказать вслух, аналитик хренов.

Он посмотрел на экран. Товары для беременных и молодых мам. Рыжебородый начал излагать концепцию проекта, всё ещё держа на экране сладкую парочку первого слайда. На мамаше – платье в цветочек с глубоким вырезом, оттуда вываливается большая... ну, почти вываливается, пока ещё прилично. Но карапуз у неё на руках уже открыл рот и тянется с явным намерением этот рот заполнить. С такой картинкой надо делать рекламу для вейперов и кальяшников. «Не дососал у мамы? Соси у нас!»

Егор покосился на бритоголового. Тот как-то неудачно сел с другой стороны от Паши, не разглядишь особенно. И практически не проявляет себя, лишь чуть кивает на каждую новую картинку. Конкурс детских фоток с призами от бренда... Личные календарные «линеечки» с привязкой фотоальбома, дневника развития ребенка и полезных статей по возрасту... Приложение для планирования совместных прогулок с другими мамашами и детьми, карта «зелёных маршрутов»... Онлайн-консультации косметолога – на этом месте бритый кивнул аж два раза. Ну понятно, его основной бизнес. Остальная социалка – для раскрутки.

Все эти вещи они накреативили ещё до отъезда Егора в отпуск, тут ничего нового. Его позвали на встречу не за этим.

###

Пашино агентство начинало свой digital точно так же, как многие другие рекламщики этого века. Промосайты, баннеры, контекст и немножко SEO. Потом появились блоги, группы в соцсетях, мобильные приложения, мессенджеры и прочий SMM. Другие делали то же самое. Как в сетях фастфуда, у всех была одинаковая курица. Агентству нужна была своя приправа, своя фишка.

На их первой встрече в офисе агентства, помимо Паши, присутствовали ещё трое: аккаунт-менеджер Вика, менеджер проекта Марина и предыдущий креативный директор Женя.

Что означают эти должности, Егор ещё не знал, но по мере разговора сориентировался. Вика отвечала за связь с клиентом, и именно она рассказала, чего он хочет. Между собой они называли его Синоптиком. Сталелитейный магнат с идеей фикс: ему нужна правильная погода, чтобы видеть хорошие сны.

В классификации Егора это был первый «лысый орёл». Немолодой, но цепкий дядька технического склада ума, магнат любил простые и ясные модели мира. А потому, заметив какие-то корреляции собственных снов с дождями, этот железный миллионер решил и тут разложить всё по полочкам. Ещё до пашиного агентства кто-то из свиты магната посоветовал ему сделать сайт. Точнее, вся затея называлась «Центр онейрологии», но свита решила, что с сайтом будет как-то современнее.

Хозяину понравилось. Более того, он увлёкся идеями Web 2.0: зачем держать лишний штат умников, если можно изучать опыт пользователей – кому и что снится, при какой погоде, в каком климате. Свита спешно прикрутила к сайту форум. Потом группу «Вконтакте». Но ничего не взлетало. Тогда пришли в агентство.

Егору казалось, что косяки очевидны. Начиная хоть прямо с унылой морды сайта: у этого самопального исследовательского центра попадались интересные материалы, но всё пряталось где-то внутри. Вытащить бы их на главную в ротации, с нормальными картинками и заголовками... На этом месте Марина напомнила, что клиент сейчас заморожен именно на пользовательском контенте.

А пользователям-то нафига нужен ваш сайт, с усмешкой спросил Егор. Марина развела руками. Егор вздохнул... и начал пересказывать кусок своего диплома. Если вы хотите собрать на сайте какую-то аудиторию, нужно узнать её потребности, а затем удовлетворять их в меру своих возможностей. Из базовых – еда, секс, здоровье – вашему проекту ближе всего последнее. На эту потребность работают статьи центра онейрологии, но они навалены на сайте мёртвым грузом, а значит, надо оживлять.

Если же хочется, чтобы юзер и сам что-то делал на сайте, мотивируйте его активнее через другие потребности. Например, есть потребность в самопрезентации: красивая личная страница, фотоальбом, блог. Потребность в общении: форумы, чаты. Потребность в статусной игре, конкуренции: видеть своё имя на карте, на главной странице в топе, получать хотя бы виртуальные призы. Потребность в причастности к группе: приглашения, клубные карты и другие входные ритуалы, своя внутренняя символика. И так далее.

Соцсети оттянули на себя часть потребностей, но не всё. У них хорошо работает самопрезентация, это их основной бизнес – расщепить общество на отдельных людей, а потом каждого обрабатывать посредническими сервисами. Разделяй и впаривай. Зато с коллективной деятельностью в соцсетях – голяк. Максимум, что можно там замутить – тупой флешмоб, вирусную панику, марш одиночек. Поэтому надо делать то, чего соцсети делать не умеют. В вашем проекте, например, можно сделать вот что...

Рекламщики слушали его внимательно, но так, словно он с другой планеты. А когда Егор закончил, креативный директор Женя заявил, что он всегда об этом говорил – нужно нанять юзабилитиста.

Егор считал эту консультацию разовой, и потому ответил со всем своим снобизмом. Юзабилити – это про ваше личное общение с унитазом, сказал он. А тут речь про общение людей друг с другом. В идеале – про совместные действия, которые, как известно, создают лучшие социальные связи.

Паша мысленно повторил эту фразу – и понял, что это фишка, которая покатит. Только «связи» заменить на «лояльность бренду». А само «сообщество действия» связать с концепцией «посланников бренда», например.

То ли успешное применение науки на практике, то ли конверт, выданный после встречи – трудно сказать, что подействовало больше, но Егору такая работа даже понравилась. Вдохновлённый, он начал следующую консультацию с социальных фракталов Данбара, но по лицам новых коллег понял, что это слишком тяжелая артиллерия. Остановился на принципе Парето: чтобы получить продуктивное сообщество действия определенного размера, нужно собрать базовое сообщество в пять раз больше. Расширить аудиторию. В нашем случае – не заикливаться только на тех, кто смотрит сны. Привлечь и аллергиков, и барочувствительных граждан, и прочих метеопатов. Им тоже помогла бы «народная карта» с оперативной инфой от живых датчиков. Где мигрень перед дождём мучает, где глаза слезятся от берёзовой пыльцы...

Так с его участием агентство успешно раскрутило «Синоптиков», а потом ещё пару проектов. И временами Егор действительно чувствовал себя доктором Хаусом, который моментально вылечивает пациентов одним простым советом.

«Да-да, лицо на сайте цепляет внимание. Но ребята, стоковые фотки с фальшивой улыбкой из другой страны вызывают подсознательное отвращение – «не наш человек». Мимика должна быть местная и честная! А человек на фотке должен делать то, чего вы хотите от нашего юзера. Нет таких фоток, только стоковые? Тогда вместо лица поставьте там изображение еды – яблоко или печенюку. Серьёзно. Еда привлекает не меньше, чем лица, но она более интернациональна».

«Собрать статистику активности мамашек в их профилях – это круто. Но столбики голых цифр возбуждают только закоренелых бухгалтеров. Нарисуйте каждой девушке цветок с разноцветными лепестками, которые отражают разные виды её активности. Больше пишет на форуме – растёт синий лепесток, играет в фотоконкурсы – растёт жёлтый, и так далее. Это наглядно, такой цветок хочется вырастить побольше, сравнить с другими. Геймификация спасёт мир!».

«Никто не пользуется вашей программой лояльности, которая переводит активность юзеров в подарки от бренда? Ну, это логично. Нормальный человек никогда не нажмёт на кнопку «Программа лояльности». Это же ваш внутренний птичий язык. А нормальным людям такие слова ни о чём не говорят. Напишите на кнопке «Получи подарок!» – и посмотрите, что будет. Обычно крысы бегут быстрее, когда видят цель».

А потом случился облом. Очередной клиент, владелец фирмы-туроператора, хотел раскрутить собственный сервис травелогов. Егор предложил кучу вариантов, начиная от банальных пузомеров и заканчивая секретной (из разряда «по секрету всему свету») игрой, участники которой должны детально копировать путешествия знаменитостей – останавливаться в тех же отелях, делать фотки в тех же местах и публиковать посты в том же стиле. Судя по первым тестам, игра обещала стать хитом. Но клиент не вкурил.

Паша успокаивал Егора, что он не виноват: клиенту не понравился редизайн сайта, поэтому он на автомате похерил и все предложенные сервисы. Заказчик особенно ругал «шапку» главной страницы, коллаж из трёх фоток: заснеженный склон с альпинистом, песчаный пляж с сёрферами и взлетающий самолет.

Через два дня Егор прислал Паше фотографию средневекового замка – и предложил заменить ею весь коллаж. Креативный директор Женя фыркнул, но Паша резонно заметил, что терять нечего, клиент почти уже сорвался с крючка. Ко всеобщему удивлению, замена сработала. Паша пригласил Егора выпить – и рассказать, какое биологическое оружие использовалось на этот раз.

В баре на Стрелке окрыленный алкоголем Егор произнес пламенную речь про паразитов. Он сравнивал крупные корпорации с динозаврами, средний бизнес – с собаками, стартапы – с мышами, а рекламщиков – с токсоплазмой. Он рассказывал, как маленький и примитивный паразит управляет поведением огромного сложного организма: для этого нужно лишь попасть в мозг. Вместо того, чтобы мучительно изучать, а потом заманивать рекламой тысячи потен-

циальных потребителей, нужно правильно воздействовать на одного-двух людей. На тех, кто принимает решения. Так можно стать наездником динозавра.

– Ну ты даешь, чувак... – Паша сделал страшное лицо. – Ты только что открыл самую главную тайну рекламного бизнеса. И теперь мне придётся тебя убить.

Потом он усмехнулся и поднял рюмку:

– Впрочем, я передумал. Приветствую тебя в тайном клубе высших паразитов!

Они чокнулись и выпили за Наездников и за их тяжкий труд – Джигитал Маркетинг.

– Ну конечно, всё упирается в то, чтобы убедить одного чела, то бишь представителя заказчика, – продолжал Паша. – Тут ты ничего нового не открыл. Есть миллион курсов по эффективным переговорам. А ещё есть откаты.

Однако Егор никаких курсов не посещал. Всё вышло случайно, как обычно. Ольга, искавшая, куда поехать в отпуск, прислала ему ссылку на новый рекомендательный сервис по туризму. Сайт хвастался особо хитрым совмещением коллаборативной фильтрации и нейросетевого обучения. Но Егора привлекла лишь одна скромная опция: рекомендации по фотографиям. В описании говорилось, что сервис пока в бета-тестировании, не воспринимайте всерьёз...

Он и не воспринял. Просто провёл эксперимент. Нашел в «Фейсбуке» аккаунт заказчика, выкачал фотки его путешествий – а затем создал аккаунт в рекомендательном сервисе и залил туда все эти снимки. На выходе получил рекомендацию съездить в маленький замок на юге Франции. С той самой фоткой, которая в итоге понравилась клиенту.

Всё это Егор и рассказал Паше между следующими двумя рюмками. Только упустил факт случайности со ссылкой от Ольги – а вместо этого ввернул термин «глубокий профайлинг клиента». Гендиректор был в восторге и велел продолжать в том же духе, только не афишировать среди коллег.

#

Но на сегодняшнюю встречу Егор не принес никакого профайлинга. И смартфон дохлый. И Паша уже поглядывает эдак вопросительно. Видимо, потому, что клиент ведёт себя слишком тихо. Только руки и видно: сложил перед собой, как прилежный школьник. Странно, кстати. Не очень сочетается с пиджаком этим кожаным, с золотой цепью и бритой башкой.

– Может, есть какие-нибудь вопросы? – предположил креативный в клетчатом. На экране застыл последний слайд, где не было ничего, кроме логотипа заказчика. – Да, пожалуйста! – добавил он, поглядев на Егора.

Левая рука, обмотанная вчерашней верёвкой, как-то сама собой оказалась поднята над головой.

– Я хотел спросить... – Егор замешкался, удивленный самостоятельностью руки. Но тут странный внутренний порыв накатил снова, захватив его полностью, и он выпалил:

– А что здесь нарисовано, жопа или яйца?

По переговорке пролетел то ли вздох, то ли хмык. Паша повернулся к заказчику и быстро проговорил:

– Вы нас извините, мы так по-свойски общаемся. Егор только что из отпуска, долго жил среди аборигенов...

– Нет-нет, пусть он продолжает! – воскликнул бритоголовый.

Голос у него оказался неожиданно высокий, почти бабский. Егор почувствовал, что угадал. Он ещё не понимал, что именно, но этот голос как будто добавился к рукам прилежного школьника, показывая совсем другую сторону заказчика.

– Хочу напомнить, – уверенно заговорил Егор, словно и в правду долго готовился. – Положение, которое мы делаем, позиционируется как социально-значимый проект для провин-

циальной аудитории. Мы хотим, чтобы этот логотип висел на каждой автобусной остановке, на каждом заборе в маленьких городках за МКАДом. А там у нас такие ценители искусства живут... Посмотрите на эту картинку их глазами.

Вместо этого все посмотрели на клиента. Тот молчал. А потом и вовсе встал. Бросил суровый взгляд на Егора.

– Честно говоря, у меня такие же мысли были, когда мне принесли этот логотип. Вы ведь не первые, к кому мы обратились. Но вы первые, кто об этом сказал прямо. И вот это самое, насчет любого забора... прямо в точку. Я видел, что к нашему логотипу пририсовывали однажды на улице. Подумал, ну, один случайный гопник. Но теперь понимаю, надо переделать. Можете для нас новый логотип нарисовать? Я имею в виду, в дополнение ко всему, что вы сейчас показали. Чтобы всё сразу было на уровне, а?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.